

СОДЕРЖАНИЕ

5 ЧИТАТЕЛИ ОБ АЛЬМАНАХЕ

■ ПОРТРЕТ КРАЕВЕДА

- 8** *В.И. Фурашов* Валентина Владимировна Носкова
1938 – 2006
- 12** *В.М. Некрасов* Ещё один венок...
- 13** *Э.А. Сударева* Из воспоминаний бывшей студентки
- 14** *О.А. Бароненко* Сестра

■ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ

- 15** *М.И. Невзоров* Путешествие в Казань,
Вятку и Оренбург в 1800 году
- 16** *В.А. Успенский* Воспоминания
о Владимирской гимназии
- 26** *И.В. Гура (Шоофс)* Добрый старый Владимир
- 29** *Б.П. Смирнов* Моя половина столетия

■ ПОИСКИ, НАХОДКИ, ИССЛЕДОВАНИЯ

- 33** *А.В. Торопов* Первый переводчик Гомера
- 35** *М.С. Гладкая* «Повествование» о праведном правителе
в резном декоре Дмитриевского собора
во Владимире
- 39** *И.К. Чистякова* Из истории возникновения и развития
немецкой колонии во Владимире
- 42** *Л.А. Могильная* У истоков отечественного ракетостроения

■ О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

- 46** *Л.А. Могильная,* Город будет помнить о нём
В.Г. Толкунова Герой Советского Союза Д.Д. Погодин
- 50** *Л.А. Могильная* Приумножавший воинскую славу России
Алексей Семёнович Латышев. 1749 – 1822

■ ПРОГУЛКИ ПО ГОРОДУ

- 55** *В.И. Титова* Хроники села Красного

■ ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМА

- 61** *Г.Г. Мозгова,* Дом на Театральной площади
В.Г. Толкунова И.С. Коиль и судьба его семьи

■ СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ

- 68** *Т.В. Малышева* Лауреат двух премий

■ ГОСТИ ГОРОДА

- 70** *Т.А. Пугина* Три визита Александра II
во Владимирскую губернию

■ ВЛАДИМИР: ЗА 101-м КИЛОМЕТРОМ

- 72** *В.Г. Толкунова* Судьба русского дворянина
76 *Г.Г. Мозгова* «Тяжело видеть
уничтожение своих трудов...»

■ ВЛАДИМИР В ЛИЦАХ

- 79** *А.Б. Начаров* Александр Филиппович Начаров –
первооткрыватель Сунгиря
81 *Т.П. Тимофеева* Скульптор А.А. Аладьин
и его работы во Владимире
84 *М.А. Фурман* Он прожил недолгую, но яркую жизнь...
из воспоминаний об Иване Ивановиче Голубеве
86 *В.Г. Толкунова,
Н.Н. Голованова* Первый кавалер ордена
Трудового Красного Знамени
88 *Р.Г. Коноплёва* Из жизни одного архитектора...

■ НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- 90** Из писем Николая Николаевича Воронина
к Леониду Семёновичу Богданову

■ КНИЖНАЯ ПОЛКА КРАЕВЕДА

- 94** *А.П. Субботин* Губернский город Владимир в 1877 году

■ ВЛАДИМИРСКАЯ МОЗАИКА

- 103** *В.И. Титова* Сто лет тому назад
104 *В.Г. Толкунова* Знаменательные и памятные даты в жизни
города Владимира. 2008 год
108 *В.Г. Толкунова* Новые книги о городе Владимире.
2006 – 2007 гг.

112 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

М.С. Тлякая

«ПОВЕСТВОВАНИЕ» О ПРАВЕДНОМ ПРАВИТЕЛЕ В РЕЗНОМ ДЕКОРЕ ДМИТРИЕВСКОГО СОБОРА ВО ВЛАДИМИРЕ

не было делом обыденным. Среди духовенства оно было воспринято как чудовищное преступление против Церкви. Вместе с тем, это событие не вызвало широкого резонанса в стране: в это время на епископов уже открыто посягало государство, хотя и это не было массовым явлением. Но, подобно тому, как 1917 год был невозможен без французских революций, так и гонения властей на митрополитов Арсения (Мацеевича) и Игнатия (Смолу), убийство епископа Моисея (Гумилевского), о котором умолчали светские хроники, стали одним из дальних предвестников гонений на Церковь в казавшемся тогда бесконечно далёком XX веке. Ещё только начинал странствовать по России с неудобными властям пророчествами монах Авель, ещё проходил первые монашеские послушания сын курского купца Прохор Мошнин, постриженный в монашество с именем Серафим. Но даже когда спустя некоторое время появились первые грозные пророчества о будущем России, общество не услышало их, как не увидело того, что они уже начали исполняться с убийством епископа Моисея. Екатерининский двор по-прежнему пребывал в роскоши и безопасности, и во всей России прозвучало лишь два отклика на событие в Феодосии: первым из них была объёмистая эпитафия, написанная известным поэтом В.В. Рубаном, вторым – изящная по своему слогу элегия, написанная преемником епископа Моисея в должности префекта духовной Академии иеромонахом Августином (Виноградским). Спустя двадцать лет архиепископ Августин, спасая чудотворные иконы московского Кремля от полчищ Наполеона, некоторое время проживал во Владимире, где он увидел те улицы, по которым давным-давно ходил юноша, увлечённый тайнами незнакомых букв.

Впрочем, в суете всеобщего бегства никто не вспомнил о трагической судьбе епископа Моисея (Гумилевского), так же, как никто не удосужился поразмыслить о нравственных причинах всенародного бедствия. И в последующие годы о давней трагедии в Феодосии почти никто не вспоминал. Новые юноши постигали науки в стенах Владимирской духовной семинарии, а, окончив курс, покоряли своей учёностью столицы, новые поэты писали стихи и упражнялись в переводах. «Одиссея» была вновь переведена Жуковским, сохранившим оригинальный гекзаметр, но нельзя исключать того, что поэт знал о первом переводческом опыте епископа-лингвиста, когда-то поддержавшего в нелёгкий момент его учителя Карамзина. Приезжал Жуковский и во Владимир, хотя, рисуя древний город, вряд ли вспомнил о епископе Моисее – был поглощён седой древностью и тихой патриархальностью древнего стольного города. Но тишина и провинциальность были лишь видимостью: город Владимир выполнял свою историческую роль, определённую ему с самого основания: здесь рождались и жили крупные деятели отечественной истории, происходили события, самым неожиданным образом отражавшиеся в судьбе страны.

Возможно, многие из этих событий были более значимыми, чем отнюдь не самый долгий жизненный путь епископа Моисея, многие из судеб людей, живших на владимирской земле, были более яркими, чем его судьба, но эта история с трагическим концом, несомненно, вполне достойна того, чтобы спустя двести с лишним лет её вспомнили во Владимире.

Княжеский храм великого Владимиро-Суздальского князя Всеволода III Большое Гнездо (годы жизни 1154 – 1212, годы правления 1176 – 1212), посвящённый святому Димитрию Солунскому, воину и проконсулу Македонии и правителю Солуни (Салоник), небесному патрону Всеволода, несёт на фасадах обширный резной белокаменный декор. Посвящение храма Св. Димитрию объясняется фактами биографии князя: Всеволод III носил в крещении имя Димитрий и семь лет своей жизни, с семилетнего до пятнадцатилетнего возраста, провёл с матерью-гречанкой из правящего рода Комнинов, в Византии, в том числе и в Салониках. Будучи затем на троне, он всячески старался уподобить столицу своего княжества – город Владимир – византийской Солуни.

Резьба собора Св. Димитрия являет собой одну из самых крупных и сложных программ монументальной пластики Древней Руси. Более того, она не имеет аналогов среди романского искусства Европы. Со времени своего создания, благодаря обширности рельефного замысла, собор Св. Димитрия выходит за рамки дворцового храма князя и приобретает значимость государственной святыни. Поэтому можно сказать, что в белокаменной резьбе собора заложены идеи общегосударственного уровня.

В замысле резной декорации собора отражена принципиальная для периода становления и усиления власти идея восхваления государства. В период возвышения и утверждения Владимиро-Суздальской Руси, оспаривавшей первенство у Киева и Новгорода, покорившей Рязань и поставившей в зависимость Чернигов, восхваление Владимиро-Суздальского княжества как второй Византии и триумф всего княжеского рода древнерусских князей выразилось введением в декор храма византийской идеи божественного происхождения правителя.

Концепция «помазанник и избранный Бога» возникла в ветхозаветной традиции. Безвестный юноша-пастух Давид, младший из восьми сыновей старейшины города Вифлеема Иессея, из рода которого произошёл и Христос, был взят от стад его и выделен на царство самим Богом (2 Цар. 7: 8) через откровение пророку Самуилу (1 Цар. 16: 1). Идею божественной избранности царя и приближение его к Богу отобразил ветхозаветный обряд помазания. Текст книги Царств так описывает это событие: «И взял Самуил рог с елеем и помазал его среди братьев его, и почивал Дух Господень на Давиде с того дня и после» (1 Цар. 16: 13). Тот же ветхозаветный текст навсегда очертил качества богоизбранного, а, следовательно, праведного правителя, «...умеющего играть, человека храброго и воинственного, и разумного в

Старая
Столица
Поиски
находясь
исследования

Дмитриевский
собор во
Владимире. 1194
– 1197 гг.:

Композиция
центрального
тимпана
западного фасада
«Возведение
Давида
на трон»

Композиция
центрального
тимпана
южного фасада
«Нисхождение на
Давида Святого
Духа»

речах и видного собою, и Господь с ним» (1 Цар. 16: 18). К тому же, это такой правитель, который укрепляет и расширяет своё государство, объединяет свой народ. Это «вождь народа Моего Израиля» (2 Цар. 7: 8). Ветхозаветный текст из второй книги Царств о Давиде так характеризует воинские качества правителя: «Иноплеменники ласкательствуют предо мною; по слуху обо мне повинуются мне. Иноплеменники бледнеют и трепещут в укреплениях своих» (2 Цар. 22: 45 – 46). В резной декорации Дмитриевского собора тему праведного правителя заявляет изображение царя и пророка Давида в качестве центрального образа. Юный Давид с прекрасным ликом, в короне и в пророческом одеянии сидит на троне в центре северного, западного и южного фасадов. Он – основной персонаж центральных тимпанных сцен закомар (полукруглый верхней зоны фасадных делений-прясел). Он держит в руке свой неперменный атрибут – псалтирь, символ книги псалмов, автором которых он был, и одновременно – символ музыкального инструмента, с помощью которого Давид, как первый бард, исполнял свои псалмы. Правая рука Давида отведена в сторону и поднятые два перста – указующий и мизинец – говорят о том, что Давид пророчесствует о Христе. Момент пребывания с Давидом Господа отображён посредством «почивающего» на нём Святого Духа в виде слетающего на него, парящего над ним, стоящего возле него голубя. Иллюстрацией праведных действий Давида-правителя по объединению колен сынов Израиля в единый народ является резная картина центрального прясла северного фасада, где это показано иносказательно, через образ сдвоенных львов (двутуловищного льва с одной головой), символа-эмблемы самого Давида и символа всего иудейского народа¹.

Модель богоданности власти, направленная вначале на царя Израиля, была воспринята христианской Византией. Императорская канцелярия, согласно историку Шарлю Диллю, уверяла, что «сам бог через ангела вручил первому христианскому императору знаки верховной власти, что бог пожаловал ему титул и привилегии»². Первый христианский император Константин Великий, непосредственно от которого, по древнерусской традиции, принял христианство русский князь Владимир Святой, изображён в правом прясле западного фасада Дмитриевского храма, справа от окна, в середине пятого снизу ряда, состоящего из двенадцати конных святых воинов-триумфаторов христианства. Он восседает на коне в царской одежде с перекрещенной на груди лентой лора, усыпанной драгоценными камнями.

Лор является деталью царского одеяния для церемониальных выходов и выездов. На плече императора покоится меч, символ победы над врагами христианства. Ныне лик императора утрачен, он «всадник без головы», но на исторической фотографии 1916 г. А.А. Бобринского³ мы видим человека средних лет с небольшой округлой бородой, усами, волнистыми волосами чуть ниже ушей и с короной (!) на голове, которая, как и лор, позволяет отнести всадника к изображению императора.

Церемониал помазания, введённый в Византии несколько позже, окончательно закрепил характер царской власти как отражения власти божества. Помазанниками объявляли себя и Юстиниан, и Феодосий. «Наследник римских цезарей, правитель Византии обладал абсолютной властью, его личность считалась священной». «Христианство превратило его в божьего избранника и помазанника, представителя бога на земле <...>, в равноапостольного государя». Император становился государем «по божественному праву, он был избран богом»⁴.

Обращённая в христианство Древняя Русь, войдя в сферу влияния Византии, восприняла две великие идеи, которые двигали Византией: «идею империи и идею христианства»⁵. Русь оказалась преемницей Византии не только по вере, но и по имперской политике. Византийскую концепцию власти, естественно, применительно к древнерусским князьям, закрепило древнерусское летописание: «власти бо от Бога учинени суть, естеством бо земным, подобен есть всякому человеку царь, властью же сана яко Бог»⁶. Актуальность богоданности великокняжеской власти для политики Северо-Восточной Руси отразила воинская повесть этого края «Житие Александра Невского»: «Яко рече Исаия пророк: тако глаголет Господь: князи аз учиняю, священи бо суть, аз вожу я. Во истину, без Божия повеления не бе княжение его»⁷.

Как и византийские императоры, князья на Руси периода христианского средневековья считались «существами боговдохновенными», наподобие Давида и Соломона. Памятники византийского красноречия сравнивали с ними монарха «за гражданское правление и воинские доблести»⁸. В древнерусском летописании и древнерусской литературе мы также находим сравнение русских князей Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо с Давидом, Соломоном, Константином Великим. Например, текст, прославляющий владимирского князя Всеволода Большое Гнездо, является переложением библейского текста о Давиде: «Сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изиде слух его <...> и бог покараше под нозе его вся врагы его»⁹.

Уподобление князя праведным библейским правителям в резьбе владимирского памятника включено в основные, главные по содержанию композиции, составляющие тему праведного правителя. Это крупные развёрнутые сцены тимпанов центральных прясел, о которых мы уже упоминали в связи с образом Давида, а также сцены тимпанов боковых малых прясел. Их содер-

Дмитриевский собор во Владимире. 1194 – 1197 гг.:

Композиция юго-восточного тимпана «Вознесение Александра Македонского»

Композиция северо-восточного тимпана: представление отрока на будущее правление

жание таково, что они выстраиваются в последовательно-повествовательный регистр верхней зоны фасадов.

Начинается повествование со сцены северо-восточного тимпана. Сцена представляет сидящего на троне мужа с отроком на коленях, который обращается к мужу жестом направленных рук. Мужу и отроку по сторонам предостоят ещё по два отрока в характерных приседающих позах преклонения с тем же жестом обращения. Жест их воспринимается, к тому же, как указующий, фиксирующий внимание зрителя на центральных персонажах. Композиция по сторонам фланкирована изображением голубей, а по низу – рельефами льва, двух ослов, грифона и пардуса¹⁰.

В 1914 г. В.В. Косаткиным было высказано предположение об изображении в композиции князя-создателя храма, и сидящий на троне муж назван Всеволодом III¹¹. Эта мысль в 1960-х гг. была развита Н.Н. Ворониным и с тех пор композиция получила название «Всеволод III с сыновьями»¹². При этом считалось, что на коленях Всеволод держит своего младшего сына Димитрия, а по сторонам стоят старшие его сыновья. Однако в результате внимательного детального исследования сама декорация собора показала, что в последующих композициях продолжается история отрока, сидящего на коленях. Но мы уже знаем, что главным персонажем декора выступает Давид. Несмотря на то, что Давид является собирательным образом правителя – ветхозаветного царя и, как мы увидим дальше, популярного македонского полководца, и современного князя – ни к одному из названных представителей власти сын Димитрий отношения не имеет. На него не распространилась и история престолонаследия. Кто же в таком случае показан на коленях у мужа?

Здесь следует остановиться на характерной особенности средневекового искусства, которое во всех своих проявлениях глубоко и неоднозначно символично. Средневековое искусство не знало однозначной трактовки образа. Исследователи насчитывают в одном произведении до семи символических смыслов¹³. Рельефная декорация Дмитриевского храма также пользуется лишь символическим языком. В интересующей нас композиции сам сюжет представления (презентации) отрока подсказывает нам объяснение в рамках темы престолонаследия и темы рода, который из своих рядов выдвигает отрока на роль будущего правителя. Действительно, византийский дворцовый церемониал использовал обычай, воспринятый затем и Русью, сажать наследника на колени в целях символического ритуала возведения его на престол. Но необходимо важное уточнение.

Рассматриваемая нами сцена показывает, что презентуемый отрок – это персонаж, в истории которого присутствовала такая жизненная ситуация, как «старший поклонится младшему». Такая жизненная ситуация находится в ветхозаветной истории. Она известна в связи с двумя ветхозаветными персонажами: Иосифом, любимым сыном Иакова, и Давидом, сыном Иессея. Как Иосиф, младший из братьев, проданный из-за за-

висти своими братьями в рабство, стал управляющим «над всею землею Египетскою» (Быт. 41: 41), так и младший Давид, пасший овец, стал царём израильского народа. И всё же Иосиф, как и сын Всеволода Димитрий, из ряда символических иносказаний на владетеля царского ранга должен быть исключён, т.к. никогда царём не был и в такой роли не рассматривался.

Менее известен факт, что ситуация «старший поклонится младшему» просматривается в истории Всеволода. Младший из одиннадцати сыновей Юрия Долгорукого, он в период своего правления становится главой Мономаховичей. Этого он достиг перестройкой системы великокняжеской власти на Руси, тем, что право владения Новгородом, как при Андрее Боголюбском в Киеве, закреплено было только за Владимиром¹⁴. Исходя из сказанного, мы можем видеть его на коленях мужа в роли выдвигаемого в правители младшего из братьев. Таким образом, начальная композиция повествования о праведном правителе отражает тему рода Мономаховичей с отроком Всеволодом. При этом символическая отсылка на род Иессея (или ветхозаветного Иуды) с отроком Давидом также присутствует.

Следующая развёрнутая композиция на тему о жизни правителя представлена в центральном прясле западного фасада. Здесь, помимо тимпанной композиции, заявленный сюжет отражают эпизоды борьбы юноши с птицей, с гидрой, со львом (раздирание льву пасти, побивание льва палицей). Сюжет давно и подробно рассмотрен В.П. Даркевичем и отнесён к подвигам Геракла и Самсона. Весьма важно, что в этом ряду отождествлений юного героя-воина, совершающего легендарные подвиги, присутствует и символизация Давида и Христа¹⁵. В одном из своих псалмов Давид так отразил подобный подвиг Христа: «На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия» (Пс. 90: 13).

Но интересно, что сцены подвигов поданы не изолированно: они входят в композицию восхождения юного героя на царство, и это недаром. Они предваряют событие тимпанной сцены. В тимпанной же сцене показано собственно восхождение на трон и восхождение на трон Давида, поскольку юноша, ведомый к трону ангелом и затем сидящий в короне на троне, держит в руках свой непрменный атрибут – псалтирь. Из этого следует вывод: рельефы героической борьбы отражают подвиги Давида перед его воцарением.

Принцип символической неоднозначности изображения применён и здесь, и он вновь умножает смысл сюжета. Дело в том, что иконографический тип сражающегося Давида соответствует иконографическому облику сидящего на коленях отрока. Схожи

Старая
олища
Поиски
находки
исследования